

FUCK & LOVE

«Прикосновение», режиссер Пэдди Каннин.
Британский Королевский национальный театр на сцене Театра им. Моссовета.
«Секс, ложь и видео» режиссер Антон Кузнецов.
Театр п/р Олега Табакова

Пьеса «Closer» (организаторы гастролей в России, а это Британский совет и Конфедерация театральных союзов, пытались название пьесы перевести то так, то эдак, и остановились в итоге на самом неудачном «романтическом» варианте «Прикосновение» — по мне, уж лучше бы назвали «Сближение») написана два года назад Патриком Марбером. В Англии она имела шумный успех. Кроме Марбера, появилось и еще несколько драматургов, которых что-то роднит с ним в интонации, и после этого в Соединенном Королевстве стали поговаривать о «новой пьесе».

Нам бы ее, новую пьесу! Российским режиссерам давно обрыдла классика, и многих уже мутит от словосочетания «вишневый сад». Но что делать? Выбирая между пьесами хорошими и новыми, наши театры все 90-е годы мудро голосовали за первое.

Молодая русская драматургия ищет выход на сцену, и, конечно, в ее положении поворот головы на Запад, на ту же Англию, где народ с удовольствием ходит не на Шекспира с Чеховым, а именно на «новую пьесу», — движение совершенно естественное. В этом смысле проект «Новая пьеса — нью райтинг» (что-то вроде обмена драматургическим опытом), придуманный Британским советом вместе с фестивалем «Золотая маска», стоит признать похвальным.

Но пока что молодые режиссеры в России не слишком счастливы в союзе с молодыми российскими драматургами. Лучший пример этому — премьера спектакля молодого Антона Кузнецова «Секс, ложь и видео» в «Табакерке». Кузнецов взял для постановки вообще не пьесу, а переделал сценарий одноименного фильма Стивена Содерберга, праздновавшего триумф в Каннах в 1989 году.

Об этих двух спектаклях — английском гастрольном и нашем «табакерочном» — невозможно говорить порознь. Это просто какие-то Чук и Гек, два близнеца, одевшиеся в разные костюмчики для того, чтоб их не путали друг с другом. Не зря некие британские рецензенты уже успели прозвать спектакль Национального театра «Секс, ложь и Интернет». С 1989 года появились только другие технические новинки, а секс и ложь не претерпели изменений.

И там, и там четверо персонажей — он и она, он и она. Всем что-то около тридцати. Он изменяет ей

с ней, а она... Впрочем, так ли уж важны подробности адюльтера? Важно, что в обоих спектаклях герои не столько занимаются сексом, сколько безостановочно говорят о нем. Диалоги бьют действие.

В спектакле Кузнецова молодой импотент записывает на видео откровения знакомых девушек — они рассказывают ему ВСЁ. В спектакле Пэдди Каннина во время самой ударной сцены не произносится ни слова, а зал азартно молчит, время от времени взрываясь смехом: двое мужиков на сцене тарабаниют по компьютерной клавиатуре, а на заднике на экране возникают их не очень пристойные фразы — они в секс-чате и тоже говорят ВСЁ. Это дети детей сексуальной революции 60-х, много наслышанные про вкус спермы, и их не смутить ничем.

Чат — по-английски «болтовня», и кажется, что весь мир уже в чате. В холодном и пустом пространстве (удивительно! даже оформление сцены в русском и английском спектаклях очень похоже!) персонажи говорят и говорят об «этом», лгут себе и друг другу, скрывая за виртуальным возбуждением реальную импотенцию и фригидность. Они все так близки друг к другу (closer! еще closer!) и вместе с тем так одиноки. Они свободны, они живут в мире почти без границ («Что за чудо этот Интернет!», — восторгаются герои пьесы Марбера почти так же, как Пушкин в свое время — сказками Арины Родионовны), но с каким удовольствием они променяли бы свою свободу на любовь.

Это поколение, хорошо выучившее слово «fuck», теперь осторожно учится выговаривать слово «love», но его так трудно произнести... В сущности, «новая пьеса» — не что иное, как сексуальная контрреволюция конца 90-х. Это даже не драматургия («делание действия» по-гречески), а чатургия, если позволителен такой макаронический оборот. Такая пьеса не приносит ни оргазма, ни катарсиса, временами она просто скучна. Она не нуждается ни в особых режиссерских, ни в особых актерских талантах, что подтвердили оба последних спектакля, но ходить на такую пьесу будут. Раз за разом зритель будет «входить в чат», пытаясь нарисовать в своем воображении собеседника, который сидит по ту сторону монитора. Или по ту сторону рамп, что в сущности одно и то же.

Глеб СИТКОВСКИЙ